

Инь Юй не мог подавить ярость в груди, да и не пытался. Он наугад схватил первый попавшийся под руку предмет на столе — даже не глядя, что это такое, — и со всего маху швырнул его прямо в голову Ци Лэ.

К счастью, Ци Лэ отреагировал мгновенно: он тут же отшатнулся в сторону, подняв руку, чтобы прикрыть лицо и одновременно защитить голову.

Под пронзительный визг Юй Тун из глубины руки пронзила жгучая боль. Ци Лэ глухо застонал, и от невыносимой боли из глаз невольно брызнули слёзы.

Инь Юй, окончательно рассвирепевший, уже замахнулся, собираясь ударить во второй раз. Юй Тун торопливо обхватила его со спины, а Ци Лэ воспользовался моментом, чтобы отскочить подальше.

Уже за диваном Ци Лэ заметил, что его предплечье кровоточит. Из-за дикой боли руки непрерывно дрожали. Ноги тоже казались ватными — это был обычный шок от пережитого страха.

Инь Юй стоял на месте, широко открыв рот и тяжело хрипя, а его грудь бурно вздымалась. Если бы Юй Тун мёртвой хваткой не держала его, он бы, пожалуй, перемахнул через диван и впечатал Ци Лэ лицом в пол.

— Юй-гэ, так и до убийства недалеко... — голос Юй Туна дрожал. Она жутко дорожила собственной шкурой, и если бы эти двое сейчас сошлись в драке, её бы точно задело.

Инь Юй даже не думал слушать уговоры и попытался сделать шаг вперёд.

К счастью, зазвонил телефон. Увидев, кто звонит, Инь Юй резко изменился в лице, свирепо зыркнул на Ци Лэ, швырнул предмет на пол и, ухватив Юй Тун за руку, вылетел из квартиры, хлопнув дверью.

Дверь с грохотом захлопнулась, и в гостиной снова воцарилась привычная тишина.

Ци Лэ обессиленно осел на пол. Краски полностью сошли с его лица, а руки онемели и ныли от боли.

Он поднял руки, чтобы осмотреть их: на левом предплечье красовался порез длиной около пяти сантиметров. Крови вытекло немного, но зрелище всё равно выглядело пугающим.

С самого детства его баловали все кому не лень. Родители любили его до безумия, не позволяя пережить и тени несправедливости и тем более не давая изведать ни малейшей горечи.

А теперь из-за того, что он в своё время ослеп, он выглядел донельзя жалко и растерянно.

Обида мгновенно подступила к горлу, и вдобавок к общему недомоганию слёзы Ци Лэ больше было не удержать — они наперегонки хлынули из глаз.

Мало того что парень изменил ему и тут же отрёкся, так ещё притащил в его дом шлюху для утех, да вдобавок они вдвоём избili его.

Никогда в жизни он не чувствовал себя настолько униженным и несчастным.

В больнице Ци Лэ появился с распухшими, красными глазами. Его лицо покраснело и отекло от двух пощёчин этой парочки и удара кулаком Инь Юя, а когда он разговаривал с врачом, его

нос постоянно шмыгал.

Каждый раз, когда игла для наложения швов протыкала кожу, его веки судорожно вздрагивали, мокрые ресницы трепетали, а всё лишнее красок личико морщилось в комок.

У него был такой вид, будто он изо всех сил старается не заплакать, но держится из последних сил.

Молоденькая медсестра рядом только и делала, что утешала его, смертельно боясь, что тот вот-вот разрыдается по-настоящему.

Утешения от совершенно незнакомого человека показались Ци Лэ невероятно унижительными. Он закрыл лицо правой рукой, чтобы на него не пялились, и жгучая злость мгновенно вытеснила всю обиду.

Он непременно заставит Инь Юя заплатить за это!

Закончив со швами, врач аккуратно наложил повязку и назидательно произнес:

— Молодежь, ну нельзя же так драться. С такой красивой мордашкой — хорошо хоть лицо не задели, а то бы ходил со шрамами.

— Это не я начал, — жалобно протянул Ци Лэ. Руку намазали заморозкой, так что пока она не болела, но стоило действию препарата закончиться, как ему предстояло хлебнуть лиха.

Он был невероятно избалованным и до ужаса боялся боли.

Услышав его детские оправдания, врач только тяжело вздохнул, явно собираясь продолжить наравоучения.

Ци Лэ и без того был на нервах — где уж тут выслушивать лекции от постороннего. Он быстренько поблагодарил врача, схватил направления и стремглав бросился прочь, намереваясь спуститься на первый этаж за противовоспалительными.

Когда он подошёл к лифту и двери распахнулись, лицо человека внутри заставило его замереть на месте.

— Господин Инь, какая встреча.

В кабине стоял помрачневший Инь Шицзянь.

Инь Шицзянь был выше его почти на голову. Опустив взгляд, он сразу заметил изумление в глазах Ци Лэ и его распухшее, заплаканное лицо.

Сердце мужчины упало, а на лице застыл суровой гримасой испуг:

— И вправду совпадение.

В этом приветствии Ци Лэ отчётливо послышался скрежет зубовой. Запоздало осознав, как жалко он сейчас выглядит, он тут же опустил голову.

— Ты не собираешься заходить? — Инь Шицзянь преградил рукой закрывающиеся двери лифта. Заметив толстый слой бинтов на левой руке парня, он прищурился. — Дрался?

От мужчины исходила тяжёлая аура подавленности, и это мощное давление заставило тело Ци Лэ среагировать быстрее мозга — он послушно шагнул внутрь кабины.

Услышав вопрос, он машинально кивнул, но тут же сообразил, что это выглядит глупо, и замотал головой.

— Так да или нет? — Инь Шицзянь перехватил его за правое запястье, и в его голосе зазвучали жёсткие нотки.

Час назад он позвонил сыну, но Инь Юй устроил ему грандиозный скандал, после чего трубку перехватила Юй Тун. Она и сообщила, что Инь Юй подрался с Ци Лэ, оба не в духе, а последний к тому же пострадал.

Вспомнив злорадный тон, с которым Юй Тун рассказывала о ранении Ци Лэ, Инь Шицзянь нахмурился ещё сильнее.

Разозлившись не на шутку, он невольно включил старшего:

— Твоему отцу не было бы стыдно за то, что ты ввязываешься в драки?

Ци Лэ и сам изведal немало обид от недавнего избиения, только что выслушал нотацию от врача, а теперь ещё и Инь Шицзянь принялся отчитывать его без всякой причины — терпение парня лопнуло.

— Ты что, сам глаза разуть не можешь?! — с какой стати он, Ци Лэ, кому-то обязан? Сначала отгреб от сынка, а теперь ещё и отец отчитывает.

Едва слова сорвались с губ, лифт как раз доехал до первого этажа, и Ци Лэ гневно зашагал к выходу.

Инь Шицзянь тут же последовал за ним. Будучи высоким и длинноногим, он нагнал парня в два счёта и, протянув руку, грубо дёрнул за капюшон его куртки.

От этого рывка Ци Лэ качнуло назад. Его ноги скользнули по полу, и он начал заваливаться спиной назад, в ужасе вытаращив глаза и покрывшись холодным потом.

Однако ожидаемого удара о пол не последовало. Ци Лэ врезался в чью-то крепкую, теплую грудь, его шею и талию обвила пара сильных рук, и Инь Шицзянь крепко прижал его к себе, полностью подхватив на лету.

Мимо проходила беременная женщина с большим животом. Она окинула их озадаченным взглядом, а затем на её лице мелькнуло понимание, сменившееся двусмысленной улыбкой.

— Чуть что — сразу бежать! Сам под ноги не смотришь, да?! — проскрежетал зубами Инь Шицзянь. Если бы он не поймал его в последний момент, Ци Лэ влетел бы прямо в эту беременную женщину, и тогда всё закончилось бы куда хуже простого падения.

Сердце Ци Лэ всё ещё отчаянно колотилось о рёбра. От пережитого испуга он побелел как полотно и даже не уловил гнева в словах Инь Шицзянь.

— Если бы ты...

Опустив взгляд и заметив испуганно распахнутые глаза Ци Лэ, Инь Шицзянь тут же проглотил слова, крутившиеся на языке, и ослабил хватку, отпуская его.

— Прости.

Освободившись, Ци Лэ несколько раз моргнул всё ещё широко открытыми глазами, не до конца отойдя от шока.

Инь Шицзянь подвёл его к скамейке и усадил рядом. Глядя на толстые бинты на его руке, он тяжело сдвинул брови, а его тёмные глаза заволокло ледяной пеленой.

— Это Инь Юй тебя избил?

Ци Лэ кивнул.

Инь Шицзянь нахмурился:

— Сколько швов наложили?

Ци Лэ поднял на него глаза и после секундного колебания ответил:

— Четыре.

Услышав это, Инь Шицзянь вытащил телефон. Его пальцы замерцали по экрану, а от всей его фигуры повеяло арктическим холодом.

Ци Лэ смотрел на него, слыша, как мужчина чеканит в трубку:

— Сегодня же возвращайся домой. Если не явишься — можешь больше вообще не возвращаться.

Инь Юй, который в это время преспокойно трепался с парнями на спортплощадке, получил сообщение от отца в WeChat. Его лицо помрачнело, и он бросил косой взгляд на Юй Тун.

От этого взгляда у Юй Тун внутри всё оборвалось. Она робко спросила:

— Юй-гэ, что-то случилось?

— Что ты наболтала моему отцу? — Инь Юй сжал телефон так побелели костяшки пальцев, а в глазах застыло опасное выражение. — С чего это он вдруг узнал, что мы подрались с Ци Лэ?

— Юй-гэ, я... — Юй Тун понятия не имела об их семейных отношениях с отцом и попыталась было оправдаться, но Инь Юй оборвал её взмахом руки: — И ты ещё называешь себя моей девушкой?

Лицо Юй Тун мгновенно перекосило, она опустила голову и пробормотала:

— Юй-гэ, прости...

Эта девица использовала любые грязные приёмы, лишь бы присосаться к нему. Инь Юй прекрасно раскусил все её фокусы, швырнул телефон ей в грудь и бросил:

— Посмотри, что мне отец написал, и придумай, как теперь выкручиваться.

Поняв, что он пока не собирается её калечить, Юй Тун торопливо подобрала аппарат. Но взглянуть на экран она не успела: Инь Юй грубо вцепился ей в волосы, вырвал телефон из рук и посмотрел на неё сверху вниз с неприкрытым презрением.

— Ты и впрямь возомнила себя верной собачонкой, — по слогам выплюнул он ей прямо в ухо.

Лицо Юй Тун исказилось от ужаса, она с неверием уставилась на него.

Инь Юй холодно усмехнулся и со злости оттолкнул её.

На спортплощадке тут же раздались свист и одобрительные возгласы.

Глядя на её жалкий вид, Инь Юй провёл рукой по её бедру:

— Ты же у нас баба басистая, всё можешь. Так почему бы тебе не соблазнить моего папашу и не стать моей мачехой?

Услышав это, Юй Тун то бледнела, то зеленела от ярости. Уткнувшись лицом в землю, она согнулась в три погибели, сжав руки в кулаки так, что ногти впились в ладони, а в глазах плескалась смертоносная отравка.

Она не могла устроить истерику на глазах у этой золотой молодёжи. Столько сил и энергии она потратила на то, чтобы пробиться в высший свет, и не позволит какому-то счастливому случаю разрушить всё в один миг!

Инь Юй убрал руку и равнодушно бросил:

— Вечером поедem со мной домой, познакомлю тебя с батей.

Юй Тун замерла. Настроение Инь Юя менялось быстрее погоды — неужели он и вправду заставит её стать своей мачехой?

Не став ничего объяснять, Инь Юй ответил отцу и увёл компанию за собой, оставив Юй Тун в полном одиночестве посреди спортплощадки.

Получив ответ от сына, Инь Шицзянь немного смягчился в лице. Он убрал телефон и, обернувшись, заметил растерянно замершего Ци Лэ — от этого зрелища гладь в глубине его души слегка колыхнулась.

Инь Шицзянь помахал рукой перед глазами Ци Лэ:

— Рука всё ещё болит? Я случайно не придавил тебя тогда?

Лучше бы он молча стоял. Услышав это, Ци Лэ вдруг почувствовал себя донельзя изнеженным.

Он покачал головой, поднялся на ноги и произнёс:

— Я пойду заберу лекарства. Сильная шестая чувств подсказывала Ци Лэ, что этот мужчина на вид вовсе не так добродушен, каким кажется. Он был уверен, что видит его впервые в жизни, но при этом испытывал к Инь Шицзяню странное, необъяснимое чувство знакомства.

Это необъяснимое чувство заставляло его инстинктивно держаться от мужчины подальше.

Инь Шицзянь поднялся вслед за ним и протянул руку за талоном:

— Садись, я сам получу.

Во взгляде мужчины читалась глубокая нежность. Ци Лэ на мгновение замер, затем выхватил талончик, чувствуя, как лицо слегка заливают краской.

Этот человек так похож на вчерашнего Инь Юя...

Мысль вспыхнула в голове сама собой, и Ци Лэ остолбенел, испугавшись собственной догадки.

Инь Шицзянь не знал, о чём тот думает. Воспользовавшись его замешательством, он снова забрал лекарственный рецепт и направился напрямик к окну выдачи.

Ци Лэ смотрел вслед мужской фигуре, и в его голове что-то начало постепенно проясняться...

— Назвать тебя малышом? — специально пониженный голос звучал невыразимо соблазнительно, и горячее дыхание мужчины обжигало его ухо.

Ужасно щекотно. Ци Лэ попытался отстраниться, но тот в ответ свирепо прикусил его.

Мужчина продолжал шептать ему на ухо:

— Малыш, ты вспомнил, кто я?

Ци Лэ обнимал его и тихонько всхлипывал, а мужчина всё требовал, чтобы он назвал его имя.

Стоило ему ответить «Инь Юй», как последовала безжалостная расплата.

— Ну что, теперь понял, хорош ли я? — этот негодяй вёл себя отвратительно, прижавшись к нему всем телом. — Посмотри ещё раз хорошенько, кто я?

Ци Лэ трижды подряд выкрикнул имя Инь Юя и в отчаянии впился зубами в чужое плечо.

После этого последовало ещё более суровое наказание.

Беспокойство, страх и обида одновременно захлестнули разум Ци Лэ.

Он словно попал в неизведанную стихию: волны то взмывали его тело вверх, то бросали вниз, пока, измотанного до предела, его окончательно не выбросило на берег.

Воспоминания становились всё отчётливее, и вчерашнее безумство постепенно всплывало в памяти во всех подробностях. Краска полностью сошла с лица Ци Лэ, когда он увидел идущего к нему Инь Шицзяня.

И голос, и фигура стоявшего перед ним мужчины на сто процентов совпадали с тем вчерашним диким самцом!

Получив лекарства и вернувшись, Инь Шицзянь заметил, что малыш смертельно бледен, и, решив, что у того болит рука, хотел сказать пару утешительных слов.

Но стоило ему только сесть, как Ци Лэ, словно подброшенный на пружине фейерверк, отскочил на добрые несколько шагов, а на его лице застыл чистый ужас.

Инь Шицзянь: «...» Он же всего лишь сходил за лекарствами, что здесь произошло?

Вспомнив ночь, когда им помыкали, Ци Лэ задрожал от гнева. Он тыкал в мужчину пальцем, его губы непрерывно дрожали, но ругательства застряли в горле.

В конце концов, прошлой ночью ему ведь тоже было хорошо... да и выругаться от души не получалось!

Заметив такую реакцию, Инь Шицзянь поначалу удивился. Он протянул руку, собираясь отдать лекарства, но Ци Лэ отступил ещё на пару шагов.

Мужчина невольно приподнял бровь, уголки его губ изогнулись в улыбке:

— Вспомнил меня? — В голосе сквозило явное удовольствие.

Ци Лэ не хотел иметь с ним ничего общего и сделал ещё один шаг назад.

Глядя на его сердитый и одновременно испуганный вид, Инь Шицзянь с весельем смягчил черты лица. С усмешкой он спросил:

— Ну и как тебе вкус старого мужчины?

— Ты... — Ци Лэ не понимал, чему этот человек так радуется.

Пусть прошлой ночью ему и было хорошо, но сейчас он не испытывал ни малейшей радости!

Думал, что кувыркается со своим парнем, а оказалось — с папашей своего парня! Как тут можно радоваться?!

Старый мужчина и впрямь очарователен.

Инь Шицзянь смотрел на Ци Лэ с улыбкой в глазах.

Реакция Ци Лэ полностью укладывалась в его ожидания, так что сюрпризом это не стало.

В голове у Ци Лэ всё ещё царил полный кавардак, и он машинально выпалил:

— Держись от меня подальше...

Ощущение собственного бессилия было слишком ужасным: прошлой ночью он был совершенно не в состоянии сопротивляться, и стоило ему хоть немного дёрнуться, как его подвергали ещё более жестокому натиску.

Ци Лэ резко вздрогнул, внезапно почувствовав, как внизу живота заныло.

Инъ Шицзянь не удержался от подначки:

— Боишься, что я тебя съем?

Что за дьявольский диалог!

У Ци Лэ волосы встали дыбом, и только он собрался отчитать собеседника за неуважение к возрасту, как Инъ Шицзянь перебил его:

— Пойдём, я угощу тебя ужином.

— ... — Почему у этого человека хватает бесстыдства вести себя так?

Инъ Шицзянь привык действовать без лишних слов: он поднялся на ноги, схватил Ци Лэ за руку и потащил за собой.

Ци Лэ в панике замахал руками:

— Я не хочу есть!

— Тогда съешь меня? — Инъ Шицзянь изогнул бровь.

— ... —

Ци Лэ аж глаза покраснели от злости. Что за несравненная наглость!

Инъ Шицзянь с трудом сдерживал смех. Если бы не толчея и посторонние глаза в больнице, он бы с удовольствием ещё подразнил этого взъерошенного волчонка.

Добрёлшись до открытой парковки, они остановились. Было уже около восьми вечера, тусклые

фонари освещали стоянку, а Ци Лэ паниковал всё сильнее и отчаянно пытался вырваться.

Инь Шицзянь крепко перехватил его за правое запястье и прижал парня к капоту своего роскошного автомобиля:

— Не двигайся.

От мужчины веяло опасностью, Ци Лэ невольно сглотнул слюну. Его сердце бешено колотилось в груди, и этот стук казался невероятно громким в тишине полупустой парковки. — А ведь послушный, — Инь Шицзянь тихо усмехнулся и провел рукой по его щеке. — Этот паршивец отделал твоё лицо до неузнаваемости. Сильно болит?

Ци Лэ опешил, тут же вспомнив, что щека все еще опухла и в зеркало на себя смотреть страшно — от одного вида заплакать хочется.

Он тут же снова заерзал, пытаясь вырваться.

Инь Шицзянь прижал его к себе, и его ладонь опустилась на ягодицу.

Удар был слабым, скорее легким шлепком.

Но по телу Ци Лэ побежали мурашки, и он замер, не смея шевельнуться.

— Только похвалил тебя за послушание, как ты тут же ошетинился, — Инь Шицзянь слегка погладил его и приблизился лицом. — Знаешь, почему я теперь смею так с тобой обращаться?

Ци Лэ, не подумав, брякнул:

— Потому что ты извращенец?

Инь Шицзянь: «.....»

— Прости... — Лицо мужчины переменилось, Ци Лэ живо вспомнил ужас перед его властным нравом и мгновенно сник.

Инь Шицзянь отпустил его и спросил:

— Ты — тот самый парень Инь Юя?

Ци Лэ поджал губы:

— Раз знаешь, то зачем тогда... — Переспал со мной. Эту фразу он застрял в горле и произнести не посмел.

Инь Шицзянь насквозь видел его и прямо заявил:

— Ты ведь сам цеплялся за меня изо всех сил.

— ...Бесстыдник, — Ци Лэ отвернулся и тихо пробормотал под нос.

Инь Шицзянь легко вздохнул и взял его за левую руку:

— Чем тебя этот сорванец отоварил?

Ци Лэ склонил голову набок и с опозданием поинтересовался:

— А тебя не злит, что твой собственный сын — гей?

— Чего тут злиться? — Инь Шицзянь поднял глаза. — Лучше скажи, кому ты понадобился, раз удумал запать именно на моего сына?

Ци Лэ чуть не выпалил, что он просто слепой.

Этот малыш все такой же простофиля, как и раньше, у него все на лице написано, — Инь Шицзянь невольно мысленно вздохнул.

Неудивительно, что этот упрямый сорванец из их семьи назначил его своей мишенью — его же так легко обмануть и провести.

Ци Лэ, не зная, о чем тот думает, поднял глаза и разглядывал мужчину.

И ведь красив, чертяга. Черты лица резкие и выразительные, а выглядит до безумия молодо. Называть его отцом Инь Юя было бы странно, скорее уж старшим братом.

Куда мягче Инь Юя, и до чего же очарователен.

Если бы не испытал на собственной шкуре всю скверность этого мужчины, Ци Лэ еще смог бы убедить себя, что тот — хороший человек.

— Мне пора домой, — на душе у Ци Лэ скребли кошки.

Инь Шицзянь не стал давить на него:

— Я тебя отвезу.

Вернувшись домой, Ци Лэ стоял в ванной. Следы на теле еще не сошли — на белой коже алели и синели бросающиеся в глаза следы от укусов, зубов и поцелуев.

Телефон, лежавший на раковине, зазвонил. Номер был незнакомым.

Ци Лэ, не раздумывая, провел пальцем по экрану и ответил. Голос Инь Шицзяня донёсся из динамика телефона: Твои лекарства остались у меня в машине.

Ци Лэ опешил — он действительно совсем про них забыл.

Я сейчас тебе их привезу.

Инь Шицзянь одной рукой застегнул ремень безопасности и увидел, как сын вместе с какой-то девушкой стоит у входа в дом. Судя по всему, эта девушка и была Юй Тун.

Они о чём-то разговаривали, лица у обоих были мрачные. Вспомнив, каким тоном Юй Тун говорила о Ци Лэ по телефону, Инь Шицзянь невольно холодно хмыкнул.

Ци Лэ только успел сказать, что не стоит беспокоиться, как услышал усмешку мужчины, и по его телу мгновенно побежали мурашки.

Правда, не нужно утруждаться... Он жил один, и дело было вовсе не в самоуверенности или самолюбовании — он действительно чувствовал, что Инь Шицзянь замышляет против него что-

то недоброе.

Иначе какой отец станет заглядываться на тех, кого его собственный сын приводит домой?!

Инь Шицзянь хмыкнул и произнёс: Я велю кому-нибудь привезти их тебе.

С этими словами он отстегнул ремень безопасности, открыл дверь и вышел из машины.

Ци Лэ всегда улавливал в его голосе нотки не терпящего возражений тона. Согласившись, он повесил трубку, уставился на номер на экране и небрежно добавил контакт в записную книжку.

Старый хрыч.

Глядя на подпись, Ци Лэ с запозданием кое о чём вспомнил.

Раньше ему попадался на глаза скандальный пост о том, что Инь Шицзянь — гей. Кажется, тогда папарацци сфотографировали его вместе с популярным актёром, из-за чего даже рухнул форум.

Но новость очень быстро замяли.

Ци Лэ взял телефон и принялся искать информацию, однако, вполне ожидаемо, ничего найти не смог. О самом Инь Шицзяне публиковали исключительно хвалебные статьи.

Ах... — протянул Ци Лэ. — Ну конечно, во всём виноват проклятый капитализм...

Этот самый проклятый капиталист Инь Шицзянь подошёл к сыну и неожиданно подал голос: Чего стоите у дверей?

Инь Юй обернулся, пряча злость в глазах: Пап.

Инь Шицзянь кивнул и бросил косой взгляд на Юй Тун: Не представишь нас?

Юй Тун польщённо и испуганно произнесла: Здравствуйте, дядя, я одноклассница Инь Юя, Юй Тун.

Одноклассница? — Инь Шицзянь приподнял бровь, посмотрел на Инь Юя и с фальшивой улыбкой сказал: Мне всё равно, что ты заводишь романы в школе, не нужно прятаться от меня. Но ты должен научиться уважать своего партнёра.

Своими словами он продемонстрировал великодушие и в то же время косвенно уколол Юй Тун. В телефонном разговоре она ведь лично заявила ему, что является девушкой Инь Юя.

И действительно, Юй Тун густо покраснела от смущения.

<http://bllate.org/book/22315/2336608>